

Шозимов Пулат Давронович,
*Заведующий Отделом онтологии и гносеологии
Института философии, политологии и права АН РТ
доктор философских наук
(734001, г. Душанбе, пр. Рудаки, д. 103, кв.4)*

Идентичность и процессы социальных изменений в современном Таджикистане: теория и социальная практика

Современный мир, сегодня, все более фрагментирует идентичность на многие сегменты. Это ведет к ситуации, когда достаточно трудно определить, где начинаются и заканчиваются идентификационные параметры: будь-то общины, личности или национального государства. Глобализация в какой-то мере придала импульс процессу релятивизации национальной и культурной идентичности. Однако когда многие культуры пришли в тесное соприкосновение друг с другом, вдруг обнаружилось, что идентичность для многих социальных, культурных и, особенно, религиозных групп оказалась очень важным компонентом в их жизни. Это привело к ситуации, когда многие мигранты, в особенности, из мусульманских государств, стали создавать свои культурные и религиозные анклав в западноевропейских странах, защищая свою идентичность и следуя ей даже в более радикальной форме, нежели у себя на родине. Данная ситуация активировала вопрос о том, существуют ли способы для адаптации ислама к современным западноевропейским требованиям нации-государства, основанным на плюрализме, терпимости и свободы?

Многие политические лидеры Европейского Союза начали признаваться в том, что мультикультурализм в Европе потерпел поражение. Тем не менее, вопрос пока для них все еще продолжает оставаться открытым.

Проблема идентичности актуализировалась и в постсоветском пространстве для самих национальных государств, которые до сих пор продолжают этот поиск, несмотря на то, что все ключевые идентификационные символы уже, казалось бы, были найдены. Сегодня национальные государства сталкиваются с той же проблемой, что и западноевропейские государства, а именно с глобализацией, которая размывает национальные и культурные традиции, тем самым разрушая традиционные ценности и принципы, на которых были воздвигнуты эти государства в постсоветский период развития. Разница между западноевропейскими государствами и постсоветскими заключается в том, что для первых национальные ценности тесно сопряжены с правовой

законодательной институциональной системой, тогда как для большинства постсоветских государств национальные ценности имеют другое значение, так как они не всегда в равной мере координируются или соотносятся с институциональными принципами нации-государства. Однако вызов национальным государствам в обоих случаях исходит от транснациональных и глобализационных сетей, которые не имеют ни негативной, ни позитивной нагрузки, а отражают просто объективный процесс, который является общим для всех.

Все эти вопросы и проблемы, связанные и идентичностью, показывают всю сложность ее анализа, в особенности, в сфере социально-политической, религиозной и культурной практики. Это связано с тем, что понятие идентичности является многомерным феноменом, что требует особого, я бы сказал, философского подхода к нему, который позволит нам увидеть и рассмотреть понятие идентичности сквозь призму разных методологических подходов и контекстов.

В этой связи я предлагаю следующий тезис: многие ключевые методологические подходы и категории в различных дисциплинах - философии, религиоведении, психологии, социальной антропологии, логике, политических науках - имеют одинаковую структуру и функционируют по одним и тем же логическим алгоритмам по той причине, что они напрямую связаны со структурой человеческого сознания.

Среди всех этих дисциплин только философия обладает способностью обнаружения всеобъемлющих связей между ними и способностью стать методологической основой для каждого из них. В этом контексте философия может помочь нам в понимании, интерпретации и аппликации как в отношении к объективной, так и к субъективной форме реальности. Одна из причин этого связана с тем, что философия обладает способностью обнаруживать разные контексты для них, и способностью видеть всю совокупность деталей, которые трудно обнаружить, когда мы находимся внутри текста, дисциплины или какого-либо частного метода.

Философия имеет самый общий и интегративный структурный уровень в нашем сознании, вот почему она может стать для нас одним из общих параметров по отношению к другим суб-параметрам, и в тоже время быть методологической структурой для вторично-уровневых методов для социальных, культурных, религиозных и политических дисциплин.

С моей точки зрения, самые ключевые подходы в определении междисциплинарных идентификационных связей отражаются через такие методы как примордиализм, рациональный инструментализм и социальный конструктивизм. Где примордиализм связан больше с культурой, рациональный инструментализм с экономическими теориями, а социальный

конструктивизм - с политическими теориями. В этом контексте такие философские категории как всеобщее, единичное и особенное могут стать общей категориальной основой для выявления природы многих междисциплинарных подходов.

В этой связи примордиальный подход в большей мере связан с категорией «всеобщее», которая призывает к поиску универсальных (всеобщих) культурных корней в глубокой истории.

Рациональный инструментализм - с философской категорией «единичное», где интересы, стимулы и предпочтения индивидуальности играют решающую роль.

И, наконец, социальный конструктивизм - с философской категорией «особенное». В этой структуре основная роль принадлежит не народу или индивидуальности, но элитам, которые включены в построение социальных, культурных и политических институтов.

Если мы посмотрим на категории и методы в различных дисциплинах, мы обнаружим, что все они говорят об одном и том же, но делают это через различные категориальные формы: примордиализм связан с философским параметром «всеобщее», включая социальное пространство общины и традиции, которые основаны на долге и обязанностях; рациональный инструментализм связан с философским параметром «единичное» и социальным пространством гражданского общества, включая защиту индивидуальных прав; и, наконец, социальный конструктивизм соотносится с философским параметром «особенное» и социальным пространством государственных институтов, включая ответственность, которая отражает синтез долга и индивидуальных прав.

Другой пример, который раскрывает междисциплинарные связи между различными категориями, отражает психологический параметр. Лучшая модель, которая может продемонстрировать нам связь психологической матрицы человеческого сознания с нашими междисциплинарными подходами, связана с основателем классической теории о бессознательном – Зигмундом Фрейдом.¹ Сопоставляя уровни сознания, которые открыл Фрейд, с базовыми философскими категориями, мы обнаруживаем их объективность и коррелятивность по отношению к другим дисциплинарным подходам. Безусловно, что разработанные им категории отражают различные уровни человеческого сознания, где «Оно» связано с бессознательным уровнем человеческой природы и в тоже время с методом примордиализма; «Сверх Эго» соотносится с официальными

Freud, Sigmund. "The Ego and the Id". The Hogarth Press Ltd. London, 1949.

директивами, которые исходят от государственных институтов и таким образом связаны с методом социального конструктивизма. И, наконец, «Эго» связано с индивидуальностью и методом рационального инструментализма.

В этой связи стоит выделить следующие эмоциональные параметры человеческого сознания, которые могут быть применимы к трем научным подходам:

примордиализм – память и восприятие;

рациональный инструментализм – страсти и аффекты;

социальный конструктивизм – воображение.

На логическом уровне они могут быть соотнесены с такими категориями, как тезис, антитезис и синтез.

В этом контексте, возможно, этот концептуальный подход может быть одним из ключевых индикаторов для определений ценности и объективности других категорий. Конечно, существуют субкатегории, которые фокусируются на описании объективной и субъективной реальности, но они, главным образом, функционируют в границах одного параметра или метода.

Реальность является намного шире, нежели заданные теоретические схемы, но в то же время мы смотрим на реальность сквозь призму нашего человеческого сознания, с которым связаны сами категории. В то же время мы должны выходить за пределы узких границ категорий посредством анализа подходов, которые обеспечивают направление движения этих категорий. В этом случае важно посмотреть не только на категории, но также и на различные подходы.

Например, специалисты в сфере изучения культуры фокусируются больше на примордиальном подходе, так как для них важно знать корни и основания каждой культурной формы. Вот почему они не особенно заботятся о других сторонах человеческого сознания, в частности, связанных с природой рационального инструментализма и социального конструктивизма.

Экономисты в большей степени фокусируются на рационально-инструментальном подходе, так как для них интересы и предпочтения являются более значимыми, нежели ценности и значения. Это измерение ассоциируется с позитивизмом, неопозитивизмом и неопрагматизмом, и поэтому для этой группы все аппликации вращаются главным образом в этой структуре.

Для политических наук социальный конструктивизм является доминирующим подходом в объяснении многих социальных, культурных и политических процессов.

Конечно, каждая из этих интеллектуальных групп рассматривает различные подходы, однако они осуществляют это только через свое собственное «микро-окно» и интерпретируют все стороны социальной,

экономической и политической жизни исключительно через свое методологическое пространство. Это является одной из причин того, почему многие современные подходы так радикально «защипываются» на одном подходе и подвергают радикальной критике другие методы исследования, ставя их в структуру своей методологической схемы.

Философский взгляд относительно этих подходов имеет контекстуальный характер, в котором контекст определяет метод и применимость его к реальности. Философский взгляд не ограничен одним подходом.

С моей точки зрения, философская рефлексия основывается на следующих элементах герменевтического процесса:

- понимание, которое выражает себя через примордиализм, всеобщее, «Оно», детерминизм, субстанциализм и долг;
  - интерпретация, которая выражает себя через рациональный инструментализм, единичное, «эго», выбор, релятивизм и индивидуальные права;
  - аппликация, которая выражает себя через социальный конструктивизм, особенное, «супер-Эго», символизм и ответственность.
- Герменевтический круг, который мы структурно описали, более подробно рассматривается во взглядах Ганса Гадамера. 2

Достаточно интересную философскую интерпретацию относительно вышеназванной концептуальной матрицы предлагает Эдмунд Гуссерль³, который показывает нам «Нозму» как результат второй трансцендентальной редукции, которая осуществляется индивидуальностью в пространстве «Ноззиса», который в свою очередь является результатом феноменологической редукции первого уровня бытия через «Эпохе». Это означает, что первый уровень бытия может быть объяснен через категорию всеобщего и примордиального подхода. Понятие «Ноззис» может быть объяснено через категорию единичного и рационально-инструментального подхода, тогда как понятие «Нозма» - может быть объяснено через категорию особенного и метод социального конструктивизма. Интересно, что Гуссерль указывает, что «Нозма» может оказывать влияние на «Ноззис», то есть так, как это осуществляется посредством использования метода социального конструктивизма, который в форме синтеза отражает

Hans – Georg Gadamer. – Truth and Method.- Second, Revised Edition, translation revised by Joel Weinsheimer and Donald G. Marshall., Continuum, New York, 1989, - 588pp.

Edmund Husserl. -

диалектический синтез объективной - (примордиальной) и субъективной (рационально-инструментальной) реальности.

Однако основной вопрос остается открытым: насколько личность, культура и политика, включая различные дисциплины, могут мирно функционировать в сосуществующем пространстве?

«Я» понимаю «других» индивидуальностей только через себя, или «Я» понимаю себя только через «других». Для того чтобы понять реальность «Я» должен редуцировать себя. Если «Я» желаю найти себя, «Я» должен осуществить «Эпохе» первого уровня бытия подобно тому, что сделал Гуссерль. Однако если «Я» должен найти сосуществующий баланс между бытием и индивидуальностью, «Я» должен осуществить редукцию как первого уровня непосредственного бытия, так и индивидуального пространства. Но если «Я» желаю сохранить баланс между различными секциями на уровне нашей человеческой природы, «Я» должен найти баланс между прошлым (примордиальный уровень), настоящим (уровень рационального инструментализма) и будущим (социального конструктивизма). В этом случае философский дискурс способен найти их и выстроить баланс не только на уровне политики, религии и культуры, но и через них найти это сосуществование в междисциплинарном пространстве, как и наоборот. Это возможно потому, что эти категории связаны с природой человеческого сознания. Именно поэтому, я полагаю, мы имеем шанс понять друг друга не только на уровне индивидуальностей, но также на уровне социальных, интеллектуальных, религиозных и культурных институтов.

Соотношение социальных, психологических и философских категорий показывает нам, что характер социальных методологических подходов при анализе проблем идентичности во многом связан с характером и логикой существующих категориальных систем в философии.

В этой связи стоит отметить, что теорию рационального выбора, примордиализма и конструктивизма нельзя в равной мере относить к одним и тем же социальным объектам исследования.

К примеру, теория рационального выбора в большей мере относима к объяснению индивидуальных побуждений, интересов и стимулов, но в меньшей степени она будет полезна при объяснении проблем, связанных с этничностью и нацией.

В то время как теория примордиализма в большей мере будет полезна при объяснении проблем этничности и этноса, и в меньшей степени вопросов, связанных с индивидуальностью и нацией.

Теория конструктивизма является более эффективной при объяснении проблем, связанных с нацией, и в меньшей степени полезна при объяснении проблем индивидуальности и этноса.

Таким образом, каждый из подходов стоит использовать в том контексте, в котором он будет наиболее эффективен: теория рационального выбора - для исследования проблем индивидуальности; теория примордиализма - для рассмотрения этноса и этничности; и, наконец, теория конструктивизма - для изучения проблем нации и национализма.

Рассматривая эти подходы в условиях социально-политической и культурной практики Республики Таджикистан, можно отметить следующее.

С 1989г. до середины 1992г. культурная (универсалистская с элементами националистической) и конфессиональная элиты заняли ключевые позиции в политической системе контроля.

Это направление было связано с поиском общих и культурных универсальных связей. Культурная элита Таджикистана нашла ее в общеиранском цивилизационном пространстве. Первая волна культурной элиты – движение «Растохез» пыталось расширить интерпретацию таджикской национальной идентичности до совпадения ее с проиранским культурным пространством. Это отразилось через языковой индикатор, который указывал на эту связь как посредством совпадения таджикского и персидского языков, так и началом реконцептуализации символического пространства Таджикистана не столько в терминах собственно таджикской культуры, сколько персидской. Это направление носило примордиальный характер, и поэтому было связано скорее с этническими, нежели национальными параметрами сознания, так как в этносе - границы государства очерчиваются границами культуры и языка, в то время как в нации – границы культуры определяются границами государства.

В ходе гражданской войны в Таджикистане с ослаблением влияния культурных элит после 1992-1993гг. политическая элита заменила в Конституции Таджикистана статью о государственном языке, где «таджикский – форси» был заменен на «таджикский язык». Это, конечно же, было связано с новой стратегией государства, связанной с попыткой найти соответствие между культурным и территориальным пространством современного Таджикистана.

Гражданская война завершилась только после подписания межтаджикского договора между Правительством РТ и ОТО в 1997г. Можно сказать, что в этот период произошло новое социально-политическое конструирование таджикской идентичности. С 1997 по 2000гг. были сконструированы основные национальные символы, которые впоследствии отразились в символах национальной валюты Таджикистана, его памятников, улиц и т.д. В этот период границы культуры и языка были включены в современные границы Таджикистана.

Сегодня, Конституция Таджикистана в вопросе о государственном языке вновь внесла поправки и восстановила тот вариант, который был внесен в Конституцию Таджикистана первой волной таджикской культурной элиты (движением «Растохез»), а именно, таджикский (форси). Это, несомненно, отражает изменение в структуре самих культурных элит Таджикистана в системе политической власти.

Дилемма между культурным и территориальным параметрами языка: таджикский и таджикский (форси) еще до сих пор стоит на повестке дня современного Таджикистана.

Сегодня мы можем отметить резкую критику современного таджикского языка с графикой кириллицей. Эта критика косвенно направлена на легитимность самого Садриддина Айни, который является основоположником современного таджикского языка.

Таджикистан имеет ряд ключевых дилемм, которые нужно преодолевать или строить идентичность на их основе. Насколько можно примирить доисламское и исламское культурное наследие? Таджикско-персидское и советское культурное наследие, выраженное в вопросе о языке? И, наконец, дилемма таджикско-персидского наследия, заключающаяся в том, что в настоящий момент Иран относится к шиитскому направлению ислама, а подавляющая часть населения Таджикистана исповедуют суннизм.

В настоящее время Таджикистан вновь все более сближается с проиранским пространством по вполне объективным причинам. Создана даже политическая и культурная интеграция персоязычных стран Ирана, Таджикистана и Афганистана. Этому есть свои причины. Во-первых, Таджикистан блокирован в северном направлении, в особенности, со стороны Узбекистана. Кыргызстан также нестабилен и существующий коридор недостаточен для интенсивных экономических связей, хотя в последнее время наблюдается усиление данного направления. Таджикистан пытается вырваться из геополитического тупика в сторону южного направления, которое позволяет ему выйти к китайскому маршруту, к морским портам Гвадара и Карачи Пакистана, включая выход к Ирану и Персидскому заливу.

Это сразу же отразилось в идентификационном поле Таджикистана. Сегодня мы наблюдаем, как символ Рудаки переместился из периферии в центр. Памятник Рудаки теперь находится рядом с новым Президентским Паласом, как бы знаменуя собой союз персоязычных стран Ирана, Таджикистана и Афганистана. Все это показывает, что борьба за таджикскую идентичность в Таджикистане все еще продолжается.